

Аллергик

16+

Данила Трофимов

Данила Андреевич Трофимов

Аллергик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42628612

SelfPub; 2019

Аннотация

«Аллергик» – это сборник новелл, главный герой которых – весна со всеми вытекающими: радостями и горестями первых открытий, совершённых в свободное от расчёсывания глаз время. Каждому, кому знаком поллиноз, посвящается.

Всё-таки весна.

Я даже не заметил, как вдруг растаяли сугробы, и на их месте появились редкие ворсинки травы. Моя подруга-наркоша-Саша всё говорила: «Пришла весна, пришла». А я не верил. Не чувствовал, да и ладно.

Вышел из метро, поднял голову и на заляпанном серыми тучами небе увидел маслянистые голубые и жёлтые проблески.

Танк

Нашу группу выпускали гулять перед обедом. Группа была небольшая, а в тот день вообще мало кого привели – в саду грипп ходил.

Я играл в песочнице со своим танком, который подарил мне отец. Танк был металлический, на колёсиках, крепкий. Я катал его по песочным буграм и тархтел себе под нос.

Перед возвращением в сад группу обычно довыгуливали: водили раз-два вокруг пожухлого здания цвета неблагородной плесени. Во время этого хождения я подошёл к дереву, и, кажется, впервые начал рассматривать набухающие почки. «Так вот как весна происходит!» – обнаружил я.

Когда мы вернулись в сад, у меня зачесались глаза, сдавило горло. Воспитательница отвела меня к садовой врачихе, та дала мне супрастин. Я держал в руках танк, сжимал его, елозил им по коленкам, чтобы не чесать глаза – это было стыдно.

Скоро пришла за мной мама, и мы поехали в поликлинику. Мне поставили диагноз – аллергия на пыльцу, поллиноз. Прописали таблетки, ингалятор, капли в нос и в глаза – чтобы заглушить все то, что со мной случилось после прогулки в саду.

Часть анализов на аллергены сделали в тот же день. «Пойдѐшь делать лесенку», – улыбался мне доктор. «Лесенка» звучало интересно. Меня повели в соседний кабинет. Мама спросила, остаться ли ей со мной. Я сказал, что не надо. Она вышла за дверь.

В кабинете на потолке гудели две лампы. Врач готовила препараты. Она попросила меня положить руку на стол, развернуть её внутренней стороной. «Сейчас я тебе сделаю лесенку. Это не больно, просто порисую у тебя на руке лесенку».

Врач взяла меня за локоть и оцарапала запястье. Один раз, второй, третий... Каждую царапину она делала новым лезвием. Я закрыл глаза и постарался думать о хорошем – не получалось. Я слушал гудение ламп и вдыхал заспиртованный запах кабинета.

Мне исполосовали обе руки. На обоих запястьях по две ровных «лесенки». Я вышел из кабинета. Врач, закрывая за мной дверь, сказала: «Всѐ хорошо, он у вас молодец, только боялся зря».

Доктор сказал приходить нам на следующий день снова. После поликлиники мы зашли в аптеку и на рынок. Мама

купила мне ещё один танк, и всю дорогу я елозил им по коленям. «Вот чем тебя папаша наградил», – бросила мама.

Я любил весну всё меньше. Сейчас и не могу вспомнить, любил ли я её когда-нибудь в полную силу.

Сверкает всё

Был друг на класс старше. Я подошёл к нему с вопросом:
– Чё такое фотосинтез?

Друг пожал плечами. С ним рядом она стояла.

– А ты не знаешь? – спросил у неё.

– Не знаю.

И вот стою я на крыльце, жду её после уроков. Сменку не переобул специально: «Так лучше. Уличные – грязные, а сменка – чистая и поновей будет».

Стою, смотрю с крыльца: небо синее, солнце жёлтое. Расплывается вода. Всё сверкает.

Она вышла. Я смотрю на неё, рядом иду и по лужам шлёпаю... ноги сырые. В её дворе мы сели на лавочку. Ногами болтаю. И выдал вдруг:

– Счастье – это когда с человеком даже молчать клёво.

Потом я много раз так говорил. Когда повел её домой, она взяла меня за руку.

– Идём скорее, – сказала она и улыбнулась.

Её рука – сухая и тёплая, из пергамента ладонь. Держал её за руку совсем недолго, и когда она встала напротив меня, попытался её обнять и поцеловать. Она увернулась: «Не надо». И я не стал, но понял, что всё равно чувствую теперь

себя по-особенному. Счастливым.

Она достала ключи, открыла входную дверь подъезда. «До завтра, я рада, что ты меня проводил». Помню, как уходил от неё и смотрел по сторонам, старался запомнить: небо синее, солнце жёлтое, расплывается вода. Сверкает всё.

Обман

Весна обманчиво приходит в феврале, и тогда с утра идёт дождь, теплеет. Земля мякнет, раздувается лужами. А к вечеру – город опять в снегу. Обманула.

Мы с другом ехали на хату его бабушки. Бабушка его тогда лежала в больнице. В последний раз я видел её, она вся желтая ходила. Бабушка оставила моему другу ключи, чтоб он приезжал поливать цветы.

На хату шли пешком. У меня промокла шапка. Пришли. Полили цветы и сели на кухне. Мы в первый раз курили дома без палева.

– Хочешь, – предложил друг, – выпьем ликёр?

– А что это?

– Почти водка, только сладкая больно. Градусов 20-30, не знаю. Бабуленция сама готовит. Бахнем?

Выпили по чуть-чуть, ликёр действительно оказался очень сладким. Много его не выпьешь, а от послевкусия хотелось блевать. Я сказал:

– Давай больше не будем? А то бабуля-то тебя запалит.

– Да ерунда, – он затушил сигарету, допил стакан. – Но мы можем что-нибудь ещё щемануть. У неё тут настойка, похо-

ду, есть ещё.

Настойка тёмно-красная, на клюкве! Выпили по рюмке два раза. Мне вдруг захотелось позвонить одной девчонке. Я взял домашний радиотелефон с базы, пошёл звонить в комнату. Друг остался на кухне курить, мысленно порываясь полить цветы, стоявшие на подоконнике.

Войдя в комнату, я упал на диван и набрал номер девочки:

– Алло.

– Привет, Насть. Это Дима.

– Привет.

– Насть.

– Что?

– Ты хочешь жить вместе?

Я валялся на диване, слушал девочку.

– Я не знаю, – ответила она. – Рано думать.

– Я тебя люблю, Насть.

– И я тебя люблю, Дим, – говорила девочка. – Мы завтра встретимся?

– О, обязательно! Я буду целовать тебя, любить тебя, я люблю...

– Какой ты сегодня нежный, Дима.

– А какой я буду завтра, о, тебе понравится.

И так далее ... говорил всё это, а сам знал, что не поеду никуда завтра, не буду ни с кем встречаться – скучная Настя эта. Когда я положил трубку и вернулся на кухню, друг сидел косою. Пепел от сигареты, которую он держал, ссыпался и

развалился по скатерти. Друг зачарованно смотрел на цветы.
– Идём, – сказал я. – Пора уже.

Пошли домой. Вечер был лёдный. Сверху крупил снег. Конечно, была ещё совсем зима. Кого я обманывал?

Мобильник

С первого класса ездил в школу в соседний район, потому редко гулял с одноклассниками после учёбы: надо было отпрашиваться у мамы, подгадывать время так, чтобы вернуться не в ночи. Но если погулять предлагал Алик из параллельного класса, я всегда соглашался, потому что парень он, как тогда мне казалось, был офигительный: курил, как и я, имел обширную порнотеку на болванках и слушал «альтернативу» вперемешку с «Гражданской обороной».

– Затусим сегодня? – спросил он у меня.

– А чего нет? – ответил я. – Часа в четыре приеду на район.

Спрашивать разрешения в тот день не надо было: мама трубила сутки на работе. Бабке и деду я сказал, что пойду во двор с местными пивные банки пинать. Перед выходом закапал в нос, но не стал брызгать ингалятором и капать в глаза – ещё была ранняя весна, мог себе позволить.

Так под вечер и уехал. Встретились с Аликом на остановке рядом со школой. Ещё стояло маслянисто-оранжевое солнце, уже начинали шуметь деревья, как будто им уже было чем шуметь.

Гуляли у школы. Встретили там моих одноклассников: двух Серёг. Один – толстяк, другой – клешня, с левой ру-

кой-клешнёй, на которой всего два пальца есть. Вчетвером пошли курить на «каблук» (зауток такой, где можно не за-палиться). На детской площадке рядом с «каблуком» стояла беседка. Покурили ещё и в этой беседке, я угостил Серёгу-клешню сигаретами. Клешня курил клешнёй, а толстый совсем не курил, просто молчал и смотрел лениво в сторону. В пачке у меня осталась одна сигарета, и мы с Аликом решили продолжить гульбу в других местах.

Пошли в сторону набережной. Пробирались к ней дворами. На набережной захотелось курить. Мы сломали сигарету надвое. Алику досталась половина без фильтра, и он очень радовался. «Сильнее накроет», – довольный, пыхтел он папироску.

Мы курили быстро, стоя на краю бетонной сваи, возвышавшей нас над водами Москва-реки. На противоположной набережной солнце заходило за дома. Лениво тянулись к пристани две небольшие лодки. Маслянисто-тинно-бензиновый запах воды мешался с табачным дымом. Мы пускали дым и смотрели, как он плывёт медленно по воздуху.

Всегда боялся, что меня увидят знакомые и расскажут моей маме, что я курю. Но ещё больше я боялся, что умру от рака легких. Каждый раз, когда болела спина на уровне грудной клетки, думал: «Ну всё ...» Хотя лучший друг мой говорил, что у лёгких нет рецепторов, они не болят. Я верил ему, потому что он знал хорошо биологию и хотел стать врачом.

Решили расходиться, поплелись до автобусной остановки.

Алик пообещал по дороге купить пачку сигарет и отсыпать мне пару штук. На пути нам встретилась бабка, сухая, жалобная, но скоренькая, с животцой.

– Малявки, дайте на лекарство, – жалобно пропела она.

Малявки ответили, что нет у них ничего.

– Да шо ж вы жадные такие все! – резанула бабка, а потом как посмотрела на меня, зыркнула зло и сквозь зубьё редкое напорочила. – Плохо тебе будет.

«Да бог с ней», – сказал я Алику, рукой махнули да пошли дальше.

Когда купили сигареты, совсем стемнело. С пригорки мы поднимались по старой стальной лестнице, что вела к остановке, и лестница эта гремела, качалась. Наверху с нами поравнялся парень, с виду старше нас на пару лет, спросил, сколько времени. Мы с Аликом переглянулись. Алик пожал плечами. Я достал мобилу, новый кнопочный Siemens A60 с оранжевым экраном, сказал:

– Девять ноль одна.

– Добро, пацаны, – поблагодарил кудрявый парень. – А вы с какого района, местные?

– Ну да, – ответил я. – А чё?

– Да ничё. Просто здесь сейчас перестрелка будет.

Мы с Аликом снова переглянулись.

– Какая такая перестрелка, гонишь, что ли?

– Ща сюда пацаны с Марьино едут. Говорят, всех, кого увидят, убивать будут. Вы чё, ща вообще опасно на районе.

– А ты чего на улице тогда? – спросил встревоженный Алик.

– Да я боксёр, мне не страшно. А вот вам точно надо сливаться домой.

Даже не заметил, как мы прошли мимо остановки вдоль дороги.

– Мне домой надо. На автобусе, – сказал я, опомнившись.

– Так ты всё-таки не местный, а? – подался на меня парень.

Мы остановились. На противоположной стороне улицы людно: шли домой с работы дяди с пивными банками и тёти, гружёные продуктовыми пакетами.

– Слышь, а сколько время ещё раз? – кучерявый парень смотрел на меня зло.

Я достал мобильник.

– Слышь, а дай я сам посмотрю. Я отдам, не бойсь.

Я передал кучерявому мобильник. Тот взялся за него двумя руками, всё нажимал на кнопки и приговаривал, что, мол, крутая мобила, а что там ещё в ней есть, целый органайзер, круто так.

– Отдавай обратно, ну, – говорил я. – Мне домой уже надо.

Алик молча смотрел на мобильник и этого парня. На горку, сопя, подымался усатый мужик. Я смотрел на него долго, надеялся, что он смекнёт, но он прошёл мимо.

– Ну чего ты там делаешь-то? – спросил я у парня.

– Да погоду, ща-ща, – ответил спокойно кучерявый.

Он резко развернулся и прыгнул в сторону от дороги, под бугор. Парень почти скрылся из виду, когда мы с Аликом перестали тупить и побежали за ним. Я бежал, чувствуя, как во рту слюна насыщается железным привкусом, сдавливая лёгкие, но всё равно бежал и смог догнать парня. Я толкнул его, и мы упали. Я пытался ухватить его, но он бил и бил меня по голове, кажется, сначала кулаками, а потом, когда смог чуть высвободиться, привстать, – ногами. Я чувствовал, как подошва его кроссовок касается моего лица и оставляет жгучие следы, и я уморился, ослабил хватку – тогда парень и дёрнул. Алик появился через мгновение и поднял меня: «Там во дворе мусора стоят, давай, Диман». Пошли во двор, остановили ментов и давай наперебой их залечивать:

- У нас украли мобильник!
- Он убежал в ту сторону.
- Просто отнял мобильник и убежал.
- Мы шли, а он время спросил.
- Кучерявый такой!
- Боксёр, говорил.

Менты возили нас по району на серебристом форде с синими полосками. В салоне я начал кашлять и никак не мог остановиться. Только выкашляешь, кажется, всё, что есть в лёгких и горле, сплунешь как следует, в окно, а оно откуда-то всё равно возвращается.

Один из полицейских задвинул:

- Эх, пацаны. Если время вас спрашивают – вот, – он от-

нял руку от руля и показал часы.

Проезжая по набережной около круглосуточной палатки-магазина, мы заметили пьяную толпу и притормозили.

– Смотрите, есть там ваш кучерявый? – приказал полицейский.

Конечно, никого мы не нашли. Мы пробовали звонить на мой телефон, и он, конечно же, был уже вне зоны доступа. Полицейский спросил меня, буду ли я писать заявление. Я ответил, что да. Нас повезли в отделение. Я написал всё, как было, подписался и позвонил деду.

Начало одиннадцатого. Мы сидели около дежурного и ждали, когда всё наконец-то закончится. Я рассматривал стены, пожелтевшие решетки.

– Мы бы его отделали, – заявил Алик.

– Ну да, – подтвердил я. – Нас двое – он один. Как не хрен на хрен.

– Если бы не менты, я бы его догнал, думаю.

– А вдруг у него был бы нож?

– Наверное. Да и что?..

За Аликом пришла мама. Сказала, очень волновалась, и нам это казалось странным, ведь с нами ничего такого не случилось. Скоро приехал за мной дед. Когда мы довезли до дому Алика и его маму, я сказал деду:

– Мне стыдно.

– Не думай даже.

– Ты матери не говорил? Давай не скажем.

– Завтра решим. Но матери тебе всё равно надо звонить.

– Хорошо.

Дома бабушка налила мне вишнёвый компот. Последнюю банку открыла, хотя до этого говорила, что только летом откроем. Он был холодный и чуть кислый. Бабушка высыпала мне в плошку горсть вишенки из банки, и когда я с ними разделался, наказала позвонить маме на работу. Сказал маме, что всё хорошо, просто загулялся чуть-чуть. Она пожелала мне спокойной ночи, я пожелал ей спокойной ночи в ответ и пошёл в свою комнату. Долго не мог заснуть, меня мучил кашель.

На следующий день, когда мы сидели на «каблуке» с Серёгами, клешня, докуривая стреленую сигаретку, сообщил, что видел, кажись, кучерявого: «Похож на Савву из соседней школы». Толстый Серёга кивал, показывая, что тоже знает этого пацана, но я сделал вид, что не слышал ничего. Я думал, как получше соврать матери о мобиле, когда вернусь со школы, и уже забыть обо всём этом.

Преподаватель

В семнадцать лет я бросил курить. Если бросил в семнадцать, то во сколько начал? В двенадцать, в Сочи – понтовался перед красивой девочкой из Екатеринбурга, думал, она начнёт со мной мутить. Она так и не начала, а курить я всё же продолжил.

За пять лет я бросал раз сорок, но всегда неудачно. То есть начинался день, всё было по плану: утро без сигарет, день

без сигарет, вечер без сигарет. Но к ночи я сдавался. Крал из материной пачки, которая всегда лежала на подоконнике на кухне, сигарету и шёл попыхивать в туалет. Стоя на унитазе, я выдыхал дым в вытяжку. Потом всем хвалился, что не курю уже два, три, четыре дня...

Ранней весной я бросил курить по-настоящему. Получилось это, когда начал заниматься вокалом. Я очень хотел петь в группе, играть тяжёлую музыку и участвовать во всяких гигах металлических.

Один знакомый посоветовал пойти учиться к одной крутой рыжеволосой тётке.

– Она ваще тащит, сто пудов научит грамотно, – говорил он. – У неё учились Самосов, Сидов, Старовичева. А? Круто же?

Круто. Ну, я и пошёл учиться. Кабинет для занятий находился на Болотном острове рядом с «Красным октябрём», но как только я зашёл внутрь здания, весь пафос, мажорность (ведь центр центровый же) куда-то исчезли. Всё такое себе, в потрескавшемся кафеле, пыли, в воздухе – запах спирта, блевотины и парфюма. В длинном коридоре на втором этаже напротив кабинета по вокалу стояла закрытая стоматология.

Я постучался, хотел зайти, но рыжеволосая женщина велела постоять за дверью. Занятие ещё не окончено. Пока ждал, вышел на улицу покурить. Ко входу ковылял парень, он прошёл мимо. Я вернулся к кабинету, а там тот же хромой.

– Привет, – сказал ему. – Ты к Красновой?

– Ага.

В жёлтых квадратных очках, смотрит куда-то в сторону. Парень стоял перекошенный: левая нога подогнута, одно плечо выше другого.

– Это у меня боевая травма с самбо, – пояснил он, хоть я и не спрашивал. Потом, когда мы уже прозанимались с Красновой около года, у нас состоялся пробный концерт. На него пришел брат-близнец этого парня, такой же перекошенный и странный, только без очков.

В первый же день нашего знакомства косой парень на полном серьёзе рассказывал о том, что все Макдональдсы – это тайные бомбоубежища. Он говорил это и смотрел в мою сторону, но куда-то мимо меня.

Мы дожидались начала занятий, пока там за дверью кто-то отчаянно рычал, кряхтел, «давал петуха» – учился скривить и гроулить.

– Пойду покурю пока, – не выдержал я.

– О, ты куришь? Ну, ничего. У Красновой бросишь. У неё с этим строго!

Я не пошёл курить и спрятал подальше пачку. Как-то неудобно, а то ведь вдруг действительно, не знаю, по рукам надаёт, например.

Прошло ещё полчаса, всё-таки нам дали зайти в класс и выдали по деревянной палке. Краснова взяла меня за руку и подвела к стене.

– Ставим палку на четыре пальца от пупка, – объясняла Краснова. – прижимаемся палкой к стене и при выдохе пытаемся оттолкнуться.

Я поставил палку на живот и упёрся в стену.

– Давай, теперь оттолкнись, – командовала она.

Было страшно, что при выдохе она почует сигаретный запах, и я медлил. Она посмотрела на меня ещё чуть-чуть и повернулась к косому парню:

– Лёнь! Чего стоишь, делай давай!

После того, как мы размялись, Краснова села за фортепиано, мы начали петь упражнения. Я пел тихо, слышно было только косоного парня. В промежутках между упражнениями он шутил очень глупо:

– Почему мы упражнение на дыхание берём на основе «Отче Наш»? Может, лучше из тибетских что-то или мантру какую?

Краснова ему спокойно отвечала:

– Лишь бы результат был, а так – чего хочешь пой.

Лёня улыбался, переваливались его плечи: одно выше, другое ниже...

– Вот что могут сделать сигареты со связками? – спросил и в мою сторону заулыбался.

– Просто в один день можешь проснуться, а у тебя полдиапазона нет, – ответила спокойно Краснова.

Так столкнулись во мне желание стать рок-звездой и нежелание бросить курить. А если действительно напишу кру-

тую песню, а потом в один прекрасный день даже не смогу её спеть? Противопоставил привычке мечту и бросил.

Весной, в марте, у Красновой был день рождения. Мама настояла, чтобы я подарил ей цветы. В воскресенье утром я вышел на занятия на десять минут раньше, зашёл в цветочный магазин и купил жёлтые тюльпаны. А когда пришёл на занятия, увидел, что класс Красновой весь завалили цветами. Особенно – жёлтыми тюльпанами. Букетик мой казался на фоне остальных худ и беден. Мы начали заниматься, я спросил её почему-то про сигареты:

– А что, совсем курить нельзя?

– Да не, Дим, ты чего, почему? Если хочется, то по праздникам можно. Да и кальян никто не отменял.

– А чего вы говорили Лёне про то, что если будешь курить, то полдиапазона рабочего будет тью-тью?

– Да мало ли что я Лёне могла сказать. Давай, меньше разговоров, больше дела, поём на «А-И-Э-О-У»...

Тогда я не курил уже два месяца.

Нашлёпки

После секса у меня свистело в груди. При каждом вдохе я давился, чтобы не начать кашлять, потому что если закашляешь, из твоих лёгких будет долго доноситься звук умирающего медведя.

– Может, ещё таблетку выпьешь? – спросила Катя. Она смотрела на меня с сочувствием, как на полуживого щенка с оборванным ухом. Я отвернулся.

Дело шло к ночи. Сначала мы пили в кабаке на Арбате вчетвером: я, Катя, Рома и его девушка Саша. Когда стемнело, Саша сказала, что не хочет разъезжаться:

– Здорово погуляли. Может, поедем ко мне? Возьмем алкоголь где-нибудь и завалимся.

Было уже без пятнадцати одиннадцать, мы знали, что до ближайшего магазина всё равно не успеем дойти.

– Ничего, – обнадѣжила Саша, – я позвоню папе, спрошу, что можно будет свиснуть из бара.

Когда мы подошли к метро, я позвонил маме:

– Мы сегодня останемся у Кати дома.

– Да? А где её родители?

– Уехали на дачу к друзьям.

– Приди хоть таблетки взять.

– Не надо, я завтра рано приду. К тому же у Кати дома есть кетотифен.

– Ну, смотри сам.

– Спокойной ночи, мам, – извиняясь, попрощался я.

На самом деле ни у кого не было моих таблеток. Мы ехали на Петровско-Разумовскую к Саше. По пути договорились зайти в аптеку. Мы ещё надеялись урвать что-нибудь выпить около метро в палатке, но она оказалась закрыта. «Странно, – смутилась Саша. – Обычно всегда работает». Зато около Сашиного дома мы нашли круглосуточную аптеку.

На вывеске рядом с зеленым крестом горело «ОТКРЫТО», но громадная железная дверь была намертво закрыта.

Рядом с дверью мы заметили звонок, под ним приклеена бумажка: «Ночью – звоните!!!» Я позвонил. Через минуту маленькое окошко в центре двери раскрылось, женщина с красными глазами и с накинутым поверх майки халатом буркнула:

– Чего?

– А можно «Зодак», «Летизен» или «Эриус»? – спросил я.

– Нету.

– А вообще что-нибудь от аллергии?

– Да, 260 рублей.

Я дал деньги. Через минуту из окошка показался сверток. Окошко закрылось. В белом целлофановом пакете лежала пачка кетотифена.

Первым делом, как мы зашли в квартиру, Саша заперла кошку в комнате сестры. Мы сели играть в нашлёпки на кухне. Каждому клеили на лоб бумажку с какой-нибудь глупостью типа: Джигурда, глобус, Покахонтас. Нужно задавать наводящие вопросы, такие, чтоб на них можно было ответить «да» или «нет», и таким образом узнать, кем тебя нашлёпкой обозначили.

– Как клеить? – спросила Катя.

– Слюняй бумажку и хлоп на лоб, – ответил Рома и протянул мне белый кусочек. – На, дарю.

Я послунявил и налепил бумажку. Катя и Саша посмотрели, что у меня было написано, и засмеялись. У них было не лучше: «вибратор» – у Саши, «памперс» – у Кати. «Коб-

зон» – светилось розовыми чернилами с блестками у Ромы.

Я угадал, что у меня написано, первым. Смухлевал. Когда пошел в туалет и мыл руки, увидел своё слово в зеркале. «Моисеев». Я вернулся на кухню, включил актёра:

– Я жив?

– Да.

– Я популярный?

– Да.

Вид у меня был серьёзный, сосредоточенная работа ума тормозила «Моисеева» на лбу:

– Я пою?

– Не то чтобы... но да.

– Хм, как интересно. Я – мужик?

– Да.

– Педик?

– Педик.

– Голубая луна?

– Голуба-а-ая!

– Это было слишком легко!

Я снял нашлёпку и стал участвовать в игре уже как спокойный наблюдатель. Под конец Катя осталась одна, ей никак не удавалось угадать:

– Я часть тела?

– Не-е-ет.

– Ну я не знаю тогда.

– Блин, Кать, – не выдержал я. – На задницу детям наде-

вают, ну.

– Что, не знаю. Рейтузы.

– Да какие там... когда они гадят, дети.

– Памперсы?..

– Да! – прозвучало хором.

На втором коне Саша достала из бара бутылку виски и колу. «Я потом маме позвоню, – сказала Саша, – она не будет против, надеюсь». Мы пили, мешая виски с колой один к трём, и играли в эту дурацкую игру, пока глаза не начали закрываться. Мы пошли спать после трех конов в наشلёпки.

Нам с Катей дали родительскую комнату, где было открыто окно. У меня зачесались глаза, и я выпил перед сном таблетку кетотифена. В комнату уже проникал первый свет утреннего солнца. Он проходил сквозь лиловый тюль и едва рассыпался по полу и кровати.

– Может, окно закрыть? – спросила Катя.

Я молча лёг на кровать, сбросив на пол одежду. Катя закрыла окно, в комнате стало тихо. Понемногу закладывало нос, и я чувствовал, как начинает першить в горле. Катя легла рядом и поцеловала меня.

Пастухи

Я стал пастухом на один день. Отец соседки вынес мне из сарая кнут с красной рукояткой. Я взвалил кнут на плечо и пошёл. Волочил его по бугристой земле и всё думал, что его длинная часть («тело» – как называл её отец соседки) – это специально закрученная плетёнка из девичьих кос, пре-

имущественно русых и рыжих. «Сколько, интересно, времени такое количество волосья выращивают?.. Растили-растили ведь, а потом взяли и отрезали!» – думал я.

Я шел по изрытым копытами коров низинам зелёных холмов к месту, откуда начинали гнать стадо. Траву на холмах ещё не изъело летнее солнце. Напитанная влагой зелень только-только поднималась. Коров пригоняли по земляному мосту со всей деревни к подножию холма. На холме тянулась далеко посадка берез, пряча за собой бесконечное рязанское поле, готовое к засеву пшеницы, но ещё пока пустое, тёмно-бурого цвета. Чуть светлее выглядели глиняные подьёмы холмов, едва на подьёмах виднелись зелёные островки, вздутые и куцые.

Стадо размером в пятьдесят голов гнал один настоящий пастух, Елисей. С ним увязалось трое детей – я и две девки лет пятнадцати, одна деревенская, другая – тамбовско-московская, гостившая у деда через два дома от меня. Елисей двадцати трех годов. Он стоял, ожидая погона, очень важный, в высоких резиновых сапогах, спортивных штанах, ворсистом свитере, бескозырке, с травинкой во рту. Девки тащились от него, но я этого не очень понимал: «Чего на него лупятся? Совсем дуры, что ли...»

– Все собрались? – важно спросил Елисей и, не дожидаясь ответа, ударил кнутом землю. – Пошла!

Мы с тамбовско-московской девочкой Таней двигали первыми, подгоняли скот. Всё это скопище коров следовало по

подъёмам холмов медленно, но стройно. Ради интереса я один раз ударил кнутом землю, как Елисей шарахнул, и коровы зашевелились быстрее.

Позади нас с Таней шли Елисей и деревенская девочка, тоже Таня. Они улыбались друг другу, а Таня ещё всё время поправляла волосы назад. По правую сторону от нас косились дачные дома, среди них косился и мой дом. Люди, копошившиеся в яблоневых садах и огородах, с холма казались игрушечными.

– Таня-а-у! – доносилось издалека, со стороны наших домов. – Танё-о-о!

– А?! – весело отозвалась Танька деревенская.

– Вы там кто есть-то? Не вижу! – с домов шло.

– Я, Танька, Димка, Еська, ну!

– Приду к вам!

Прибежала ещё Ленка белобрысая, это её отец меня кнутом и обеспечил. Вообще я считал себя лучшим её другом. Каждое утро, как просыпался, вскакивал, выбегал на терраску, выходил за калитку и подступал к Ленкиному дому, стуча веткой по забору. Иду, кричу: «Ленок! Лено-ок!» Обычно в доме окно открывалось, и Ленкина бабка на меня кричала: «Не буди девку, спит ещё! Иди!» Но я не слушался. Стучал веткой по забору и вопил своё «Ленок!» Ленка всё же пробуждалась, отправляла меня будить Таньку в соседний дом. Я шёл.

Обманула меня Ленка, короче, в пастуший день. Вечером

прикидывалась больной, говорила не пойдёт никуда, заболела, а тут в последний момент – на, припёрлась.

– Ну чего, Есь? Можно мне с вами? – спросила Ленка.

– Чего нет, можно.

Теперь уж один я шёл впереди, а все остальные подальше. Я замахивался кнутом на колючки репейников. Иногда получалось сшибать их макушки – они валялись безразлично, как будто и не были частью репейника, а так, просто прислонили их.

«Осторожно, на мины не напоритесь», – сказал Елисей. Коровы гадили всю дорогу. Я всё представлял, а что если и вправду это не просто дерьмо коровье, а мина – ещё и какая-нибудь кислотная. Вот воткнешь в неё, свежую, ботинок, и его как разъест за три секунды. Я осторожно волочил свой кнут по буграм; он плёлся за мной, извиваясь белёсой змеёй.

Место, где стадо останавливается на водопой, называлось Красный овраг. У подножья оврага текла речка, мелкая, но резвая довольно. «Овраг как овраг, красного в нём ничего не было. Почему так называется, не могу никак понять», – бубнил я себе под нос. Девки рассказали, что есть ещё зелёный, жёлтый и мраморный овраги. Все они один за другим располагались вниз по реке. Но чего они так назывались, мне никто не хотел объяснять.

– Вот Мраморный – знаю! – голосила деревенская Танька. – Потому что там родник, чистый-чистый, из-под плиты мраморной бьёт. Если Еська разрешит, до него погоним ста-

до.

– Посмотрим, – хмурился на коров Елисей, закусывая новую травинку.

Мы вброд перешли речку, взобрались на холм и легли полукругом, чтобы лучше глядеть за скотом. У меня в куртке завалились конфеты, я предложил:

– Будете барбариски?

Меня как будто и не слышали. Деревенская Таня приставала к Елисею: «Пойдёшь, пойдёшь в «Дашки» в пятницу?» Елисей жевал травинку, водил по земле кнутом, смотрел долго на Ленку и отвечал:

– Как пойдет, может в баню пойду лучше. Или на «стройке» буду.

Солнце начинало припекать. Посвистывал ветер, стрекотала трава.

– Есь, – спросила Ленка, – а коровы не уйдут?

– Не, сейчас они пить хотят. Через пару часов, может, погоним их вниз.

– Вниз? – переспросил я.

– По реке. К водохранилищу.

«А низ у реки – это вправо или влево?» – стесняясь своего вопроса, пытался я сам сообразить.

Потом Елисей достал сигареты «Пегас» из своей спортивной, закурил. Рядом с ним сидела деревенская Танька, она смеялась душой безостановочно, тоже сигареты достала. У неё стрельнула Ленка, а Танька московская отказалась. По-

тому что спорт у неё. Она занималась легкой атлетикой, соревнования выигрывала, мостики делала, на шпагаты садилась, ей не до сигарет совсем.

– А мне можно? – спросил я.

– Ага, запалят тебя, а потом нам – пистон! – заметила Ленка.

Елисей, улыбнувшись, протянул мне сигарету:

– На!

Я взял, он кинул рядом со мной спички. Перед Москвой спортивной стыдно мне было чуть-чуть, но уж больно хотелось попробовать.

– Не надо, Дим, – укоряюще глядела Танька.

Но сигарета была уж в зубах моих. Я чиркнул спичкой, надул дымом щеки.

– Ты че делаешь, балда! – засмеялась Танька-деревня.

Ленка тоже смеялась, Елисей продолжал улыбаться. Москва проявляла равнодушие.

– Смотри, – начал Елисей серьёзно. – Тут взятяг надо. Ты берёшь сигарету, говоришь: «А-а-а-а-аптека». Вот на «а-а-а-а» долго вдыхаешь.

Я попробовал, но только начал вдыхать первую «а», как закашлялся. Голову закружило, но это мне и понравилось. Ради этого кружения я выкурил всю сигарету. Горло жгло. Я заел непривычный привкус конфетой.

Коровы двигались медленно, вертели хвостами и редко поднимали головы.

– Дим, а хочешь до Попова леса сходить? – спросила Таня московская.

Лес был дремучий и страшный. Ленка мне рассказывала, что там жил поп, у него церковь своя стояла, а потом он повесился, там же дух его до сих пор ходит, воет. Мне очень интересно сделалось, вдруг увидим его чёрную тень, так что я сразу подскочил:

– Пойдем!

– И Таньку возьмем. Да, Танька? – спросила московская.

– Гуляем не будем мешать! – ответила та.

«И где у нас тут гули... Чего они обзываются?» – не понимал я, сшибая кнутом, пока шли к лесу, всё подряд.

– Ребят, а когда поедете домой обратно, меня не возьмёте в Москву? – спросила местная Танька.

Я пожал плечами. Танька Москва-Тамбов – тоже, и молчит. Фиг знает, я не против, у нас квартира хоть и трёхкомнатная, а людно: в каждой комнате по два жильца, если Таньку взять.

– Немного поживу, мне город посмотреть. Может, работать устроюсь. Ем я мало. Если что, свой мешок картошки возьму.

Я пожал плечами, а она рассмеялась громко, неестественно-болезненно. Конечно, у ней дома сейчас совсем грустно: две сестры и мать в однушке поселковой четырёхэтажки вместе с ней помещаются. Отец её повесился в деревенском доме на чердаке. Он был музыкант, записал альбом, отпеча-

тал тираж на кассетах. Помню, на обложке красовались желтые розы, а название – что-то про купола. Слушал на магнитофоне и радовался, какие песни хорошие написал Танькин отец, и как хорошо поёт тетя Вика, её мать. С долгами отец не смог расплатиться. Так и повесился.

– Я спрошу у мамы, Тань, – сказал я.

Вдруг недалеко в траве я заметил здоровый, мелового цвета камень. Начал пальцами показывать в ту сторону девкам. Подошли мы, а оказалось – гриб. Рядом ещё два таких же здоровых.

– Ядовитые? – спросил я.

– Да какой! – отрезала деревенская Танька. – Бери в дом, бабка ужарит.

Я сорвал два, ещё один оставил. Пускай плодит вокруг себя таких же.

До самого Попова леса решили не идти уже, вернулись на пастбище.

– Гули-гули-гули! – хохотала Танька, глядя хитро на Елисея с Ленкой.

В обед мы под теньком ели бутерброды и варёные яйца. С московской Танькой бегали наперегонки до мраморного оврага, набрали там бадью воды из родника. Проигравший, то есть я, пёр бадью до пастбища. Елисей делился со мной «Пегасом», от него всё так же кружилась голова и вкусно пахли табаком пальцы. Работа пастуха казалась спокойной, потому что сами коровы были ленивы и благостны, почти не

сходили со своих мест, тупо жуя траву.

К вечеру, когда заоранжевело небо, мы погнали скот обратно, и, проходя мимо дома, я решил закончить службу пастухом досрочно. Елисей пожал мне руку, улыбнулся. Таня деревенская бросила «покедова» и отбила пять. Лена пошла дальше с ними, а Таня московская пошла со мной. Я спросил у неё:

- Чего Ленка осталась?
- У неё особый интерес.
- Какой?
- Потом поймешь.

Я достал барбариски и поделился с Таней. Съел конфету, чтоб не пахло от меня сигаретами, и вошёл в дом. Бабке вручил торжественно два громадных гриба, она порадовалась и навалила мне тарелку макарон и положила две сосиски. Я залил всё это дело кетчупом, начал есть, слушая телевизор, вещавший из соседней комнаты «Поле чудес». Мне понравилось быть пастухом.

Интервенция

Второй месяц пошёл, как она рассталась с Костей: он просто не пустил её домой, ей пришлось идти пешком к родителям, а потом он привёз её вещи, когда представился лучший момент.

- Мы шли к ней втроем. Ветер поднимался холодный, выл.
- Нет-нет-нет! – шептал Валера. – Здесь точно не пойдём!
 - Рома с ней уже идёт в сторону парка. – заметил я. – Не

успеем, надо сократить.

Мы повернули за угол и увидели Сашу и Рому, идущих вдоль дороги в парк. «Хорошо, что Саша плохо видит», – подумал я. Мы обогнули дом и оказались уже позади них.

– Как будто на «стрелку» идём, – заметил Валера.

– Или в казаки-разбойники играем, – добавила Лена.

Саша и Рома подходили ко входу в парк. Мы ускорились и догнали их. Первым Саша заметила меня, но, похоже, не сразу признала.

– Привет! – сказал я.

– Ого! – наигранно произнес Рома. – Как неожиданно.

– Ага... Пойдем присядем, – предложил я.

Впятером мы подошли к скамейке.

– Сядь, Саша.

По левую руку от Саши села Лена. Мы с парнями остались стоять.

– Итак, Саш, – после недолгой паузы заговорил я. – Как видишь, сегодня у нас состав не совсем обычный. Это первая в твоей жизни интервенция. Надеемся, последняя.

«Как-то несерьёзно начал», – подумал про себя и продолжил:

– Здесь сегодня собрались люди, которые беспокоятся за тебя. Каждый из нас может рассказать про твои похождения. И, поверь, это совсем не то, что нам хотелось бы о тебе вспоминать. У тебя есть проблема. Мы здесь только для того, чтобы на неё тебе указать.

Саша смотрела на меня большими глазами:

– Я... – начала она.

– Саш, подожди, – перебил её Рома. – Сначала мы все выскажемся, а потом ты. Мы с тобой не спорить пришли.

Три мужика стоят напротив неё. Чего-то хотят. Она вся скукожилась на скамейке.

Неделю назад я вернулся из деревни. Вечером мы должны были встретиться с Леной, моей девушкой, пойти куда-нибудь, отметить моё возвращение. Но она, как оказалось, уехала с Сашей в торговый центр. Саша позвонила мне, когда я только-только зашёл в квартиру:

– Можно я твою женщину на вечер займу? Я её потом на такси до дома довезу. Просто посидеть во «Фрайдисе» хотели, но Лена говорит, что ты её непустишь.

– Ладно, дай ей трубку, – говорю. По Лениному голосу всё было понятно, – Ну что, не хочешь с ней там сидеть? Скажи ей просто, что я тебя типа не пустил. Мы не виделись целые выходные, нам нужно побыть вместе и так далее... Скажи и всё. Сваливай.

Однако они всё равно остались на «два коктейльчика». Лена звонила периодически:

– Саша уже совсем никакая, сидит за барной стойкой и пристаёт к барменам.

Говорит ещё, Саша напросилась на коктейльчик. Представляю себе, как она, пьяная, в рубашке с двумя расстегнутыми пуговицами, грудью навывкат говорит: «Молодой че-

ловек, а что бы вы могли мне посоветовать? Что-нибудь покрепче и послаще». Ей сделали «слив»: в кружку из-под пива вылили всё, что было алкогольного в баре. Через пару минут Сашу стошнило прямо на барную стойку, но даже тогда она отказалась уезжать. «Вот. Во-о-от! Последний коктейль допью и уходим», – после этих слов Лена собрала вещи и ушла, оставив Сашу одну. Я встретил Лену и отвёл её домой, а потом позвонил Саше. Она ответила так: «Мне на-а-а всех напльвать, я прост хочу нажрац». У Саши был хороший друг, который часто её выручал, Валера. Я позвонил ему и рассказал всё, что там произошло. Валера согласился помочь за бутылку виски. Бутылку я ему купил, но он так её и не забрал. На следующий день он рассказывал, что поймал Сашу, когда та шаталась по магазину косметики в заблеванной кофте и тратила, не глядя, тысячи и тысячи на всякую ерунду, которой никогда бы и не воспользовалась. Когда Валера предложил ей поехать домой, она начала вырываться. Ему пришлось её подхватить и понести до машины. Люди, с сумками, уставшие от шоппинга, обожравшиеся в ресторанном дворике, с кричащими детьми наперевес, наблюдали, как мужик толщиной в тростинку еле волочит рыжеволосую девочку в заблеванной кофте. Он не повёз её домой, а оставил у себя. Наутро Саша, ни слова не сказав, просто вышла из его квартиры.

А через пару дней Саша завалилась домой к Роме на чашечку чая вся занюханная, швырнула пакет с порошком:

«Смотри, чё есть. Будешь?» И глядит на него большими глазами, сквозь растрепанную челку. Глаза безумные, нижнее правое веко дёргается.

Рома рассказал про наркоту, и мы решили действовать. Придумали план: Рома таскает за собой Сашу, пока мы подтягиваемся, а потом садимся в парке и начинаем с ней серьёзный разговор.

Мы рассчитывали на то, что Саша будет сопротивляться, огрызаться на каждое слово, спорить, мол, мы тоже не святые – пьём, бывает, и похлеще. Но она держала удар стойко.

– Мы – твои друзья, – повторял Рома, – мы не диктуем тебе правила, не заставляем от чего-либо отказываться. Просто задумайся.

– Вы хотите, чтоб я бросила? Я брошу, я понимаю.

Лена сидела рядом и сочувствующе смотрела на Сашу:

– А то и правда нам пришлось бы идти к твоей маме.

Саша оживилась:

– Моей матери?

– Ой, Саш, это просто был вариант, – оправдывался я.

– Она, – вдруг выпалил Валера, – тебя сразу на место поставила бы.

Саша вспыхнула:

– Подожди, у меня есть вопрос. Это что же, ты, наверное, получается, хотел идти матери моей говорить? У тебя есть претензия – иди с ней конкретно ко мне, а не...

– Да пошла ты, не умеешь себя вести, а я тебе что, нянька,

каждый раз вытаскивать тебя из дерьма, – разозлился Валера.

– Саш, – прервал его Рома, – мы тут с тобой разборки не будем устраивать. Дай ему высказаться, а потом решайте ваши вопросы отдельно.

– Санёк, – добавил я, – никто не хотел идти рассказывать всё твоей матери. Просто это был вариант...

Саша теперь ненавидела Валеру, это было видно по её взгляду. Она выбрала его предметом ненависти, и все обиды мира, что когда-либо постигали её, сосредоточились в одном несчастном тощем человеке.

Впоследствии, когда нам надоело гонять по кругу одну и ту же идею, мы решили закончить Сашину интервенцию. Она шла позади нас понурая, уткнувшись в мобильник. Мы тогда думали, что больше она никому из нас не перезвонит.

– Точно не перезвонит, – подытожил я, после того, как мы расстались с Сашей.

– Странно, что даже не спорила, – удивлялся Рома.

Несколько недель никто из нас не видел Сашу с алкоголем. Только стала она реже встречаться с нами, но оно и понятно.

Глаза до сих пор были бешеные, нервный тик не прошел, то она говорила громко и оживленно, быстро-быстро, постоянно перескакивала с темы на тему, то замолкала и скучающе посматривала в телефон.

Со временем в её руках появилась новая банка: теперь уже

не пиво, а энергетик. Я думал, что её нездоровый вид именно из-за этого, потому что пила она очень много, по два-три энергетика в день. Она сама рассказала:

– Но я же не бухаю. А что, одну банку с утра энергетика, чтоб проснуться, другую – днём. Может, иногда вечером. Просто мне нужен адреналин, понимаешь...

Я пытался объяснить:

– Это же ещё хуже синьки. Ты хочешь, чтобы у тебя почки перестали работать, всё отвалилось?

– А я и не хочу жить долго, – Саша улыбалась.

Она сильно поправилась. Хотя хвалилась, что наоборот похудела на пять килограмм. «Смотри!» – она подняла майку, чтобы похвалиться магическим похуданием, но вместо поджарых кубиков выглянул расплывшийся живот.

Она перестала следить за волосами. У неё отросли корни, казалось, что концы волос ей выжгли.

– Сань, приведи себя в божеский вид! – даже Лена не вытерпела. – Так не должна выглядеть женщина.

– Да кому это нужно, мне мужиков не кадрить, да и вообще – я решила посвятить себя работе.

Потом мы не виделись ещё неделю. Как обычно, после работы я провожал Лену до дома, потом шёл на остановку. В этот момент у меня зазвонил телефон.

Звонил Валера.

– Алло?

– Здорова, Дима. Ты где?

– Здесь почти. Иду на остановку.

– А где точнее?

– Около Лениного дома.

– Я сейчас подъеду.

Валера никогда мне не звонил. Он приехал через пару минут. Я сел к нему в машину. Он был злой, давил педаль в пол. Вдруг остановился в безлюдном месте.

– Дим, – начал он. – Что происходит?

– В смысле? Ты мне скажи, что происходит.

– Что вы наговорили Саше? Она меня послала только что.

– А я тут при чём?

– Ты же с ней всегда общаешься. Скажи. Обещаю, я бить тебя не буду.

– Меня, – рассмеялся я, – ты вообще себе что навывдумывал?

Валера начал прогонять какую-то дичь.

– Я не понимаю, – сказал я раздраженно.

Он затараторил ещё быстрее.

– Я не по-ни-ма-ю, – повторил я медленно.

Валера фыркнул, вдавил педаль газа в пол, и на повороте мы чуть лоб в лоб не столкнулись с грузовиком.

– Да остановись ты! – я сильно ударил по торпеде, и это, вроде бы, подействовало. – Нормальным будь. Давай пройдемся.

Мы вышли из машины, и свежий воздух подействовал на Валеру успокоительно.

– Я пришёл к ней поговорить. Она сидела на лавке перед домом. Вся трясётся, с кем-то говорит по телефону. Я подошёл к ней и сказал, что нам нужно поговорить. Сначала она просто не отреагировала, а потом послала меня. Ты не знаешь почему?

– Валер, меня же там не было. Могу позвонить и всё узнать.

– Давай.

И мне пришлось звонить, играть в дипломата, выслушивать мнения сторон, пытаться вести переговоры. Вышло коротко и неудачно. Когда я положил трубку, Валера заявил:

– Она нюхает «порох» с какими-то наркоманами с Поречной. Не знаю, как ты, а я больше никогда и ничего ей не буду делать. В следующий раз, когда она обдолбится, нажрётся – 777-1-777 – телефон такси. Всё, давай, Дима.

– Да, может, ещё помириться?

– 777-1-777, – он развернулся и пошёл.

Валера был первым человеком, отвернувшимся от неё, и тогда я не знал, смогу ли я найти силы и не отвернуться от Саши так же, как человек, который был её другом детства, всегда готовым прийти ей на помощь (пусть и иногда за символическую бутылку виски).

– Почему можно расставаться только с теми, с кем у тебя хреновая любовь? – рассуждал Рома. – Почему бы нам просто не сказать ей: Саша, мы тебя бросаем и расфрендить её на фиг.

Мы смеялись, конечно, с каждым разом с Сашей было всё тяжелее и тяжелее, мы знали, что теперь никакая интервенция уже не поможет.

Первый выпускной

Ту девочку с пергаментной кожей потом ждал я ещё несколько лет. У неё был парень, с чёлкой, в сером балахоне и скейтерских тапках или, как их ещё называют, «патрулях». Она встречалась с ним не знаю сколько – долго. Она пережила вместе с ним тяжелые его дни: у него друг, с которым он катался каждую зиму на сноуборде, влетел во время спуска в дерево. И погиб. Я представлял, как они сидят на диване, он потирает устало лоб, а она – рядом, кладёт на его грудь голову и смотрит в пол. Я хотел быть на месте этого парня, пусть у меня тоже лучший друг умрёт, пусть у меня тоже в ушах будут тоннели, пусть будет хоть наводнение, хоть ураган, но только пускай она будет со мной. Я продолжал с ней видеться и всё время говорил: «Это последняя встреча. Разберись с собой, разберись в себе». И каждый раз я приходил к ней и под конец повторял эту фразу, которая уже ничего не значила. А она мне говорила другую, тоже уже ничего не значащую фразу: «Мне нравится быть с тобой». Раньше она меня держала этими словами, каждый раз я очень надеялся, что за ними последуют и другие слова, будет сказано фантастическое – «люблю». Она меня понимала, я её, кажется, – тоже. «Ты живёшь так, как будто за тобой смерть гонится», – говорила она мне. Но потом я изменился, разошелся с лучшим

другом и перестал употреблять. Больше смерть за мной не гналась. Первая же школьная любовь вспышкообразно жила до выпускного моего класса. Она пришла ко мне на выпускной, мило говорила со мной, радовалась, смеялась, пила шампанское в доме моей одноклассницы, обнимала меня, а потом попросила проводить. И я проводил. Мы гуляли по тёмному городу, слушали, как молодые листья на деревьях шумят. «С тобой всё ещё лучше всех молчать», – сказал я. Она рассказывала про своего парня в балахоне. Ваня должен был пойти с ней в больницу. Когда они вышли из метро, он потерялся, и они проходили впустую полрайона. Она всё говорила: «Как я могу быть с человеком, который говорит мне, что знает, куда идёт, но при этом не знает, то есть меня обманывает даже в самом простом? А ты всегда знал, куда идёшь». Мы подошли к её дому, встали около подъезда. Она смотрела на меня. Я пожелал ей спокойной ночи, поблагодарил за то, что она пришла на выпускной и поехал домой.

Бабушка на кухне

Я остался с бабушкой один дома в первый раз. Недавно мама научила меня пользоваться домашним телефоном. Каждый раз, когда мне хотелось услышать маму, я звонил ей на работу, дышал в трубку и проговаривал:

– А Анастасию Сергеевну можно?

На другом конце доброжелательно отвечали, что, да, можно, только надо подождать. И я ждал. Приходилось, правда, сидеть на телефоне по пять-десять минут, слушать треск и

чьи-то глухие голоса в трубке, но мне нравилось. Я маме звоню, она где-то там далеко, а всё-таки близко. Чувствовал себя важным и серьёзным: я же у телефона. Мама приходила, и я ей рассказывал всё, что со мной приключалось в школе, на улице, дома – везде:

– А нас с Виталиком учительница назвала лучшими друзьями. А сегодня Денис на улице подобрал буханку хлеба. И съел и начал всем показывать, что он пьяный теперь. Мам, я игру до пятидесятого уровня прошёл, представляешь!

Мама выслушивала терпеливо, а затем говорила «Ну хорошо!» и шла работать дальше. Она работала медсестрой в реанимации инфекционной больницы, рядом с нашим домом.

Я сидел дома, играл в Dendy, никого не трогал, а тут из кухни жуткий грохот. На четвереньках я прокрался в коридор и увидел бабушку на полу. Она лежала и не двигалась. Я забоялся: а вдруг умерла, вдруг сейчас в квартире труп – и что же мне делать с трупом? Где моя бабушка? А вдруг она оживёт или её дух, приведение поселится теперь в квартире и будет меня пугать по ночам... Бабушка пошевелила головой, издала неприятный звук и перевалилась на бок.

Я позвонил маме на работу:

– Здравсьте, а Анастасию Сергеевну можно?

– Сейчас...

Мама только сняла трубку:

– Бабушка лежит на кухне.

– Как лежит?

– Я не знаю.

– Она шевелится, дышит?

– Да, она упала, но сейчас лежит на боку и спит.

Мама выругалась:

– Пьяная...

Неужели все люди, когда пьяные, такие? Но вот дед, когда приходит из гаража, он же не такой. Он всё равно сильный, могучий. Он не упадёт, его не повалишь тем более. Но то дед...

– Ты иди в свою комнату, ладно? – попросила мама. – Закройся и сиди, поиграй, хорошо? Я скоро буду.

Сел играть в Dendy, а через какое-то время позвонили в дверь. Я не вышел, побоялся. Вдруг это бабушка уже встала, пошла куда-то, а теперь вернулась и опять упасть хочет. Или она там по квартире ходит, вдруг бабушка меня теперь совсем не любит, как деда или дядьку моего родного, её сына, ведь она на них постоянно кричит. «Чтоб ты сдох!» – надолго её голос отпечатался в памяти. А потом наутро выходила, как ни в чём не бывало. Это ведь из-за неё мой лучший друг, Рома, со своими родителями к нам не приходит. Потому что Роминой маме, тёте Свете, бабушка сказала, что она «шалалава». «И что это такое? Не знаю, но в голове сразу появляется шалаш или забор», – рассуждал я, играя в приставку.

В детстве я узнавал слова и сразу их пробовал на взрослых, чтобы они рассказали всё, как есть. На шестилетие по-

лучил игрушку: солдатик на мотоцикле, – и назвал его «педерастом». Мама удивлённо посмотрела на меня и сказала, что это плохое слово и говорить его нельзя. «Кто тебя научил? Откуда ты узнал?» – спросила она. «В садике», – ответил я простодушно. Та же история повторилась и с «козлом». Так я, когда играл у Ромы дома, назвал ещё одну игрушку, и пришла его мама, и как наругала меня так, что покраснелся я. А потом Рома рассказывал про «фалымитатыр», и я повторил восторженно за ним это слово, а он: «Тихо ты! Ты чего! Это нельзя говорить, слово-то!»

В доме зазвонил телефон. Я прокрался в коридор снова, снял трубку, голос мужской, басистый, как у попа: «Ты чего, Дим, дверь не открываешь?» Оказывается, крёстный, брат бабушки, хотел зайти. Через пару минут пришёл снова. Не разуваясь, с порога:

– Привет, Дим! Где бабушка?

– Там, – показываю на кухню.

Крёстный выглянул из-за угла коридора, увидел тело, распластанное по полу, и попросил меня уйти в комнату.

Я ушёл, закрыл за собой дверь, но притаился, стал подслушивать. Издалека – ругань, хлопки какие-то, дверью, что ли, хлопали, крики опять. Кажется, я слышал не только басистый дядин голос, но ещё и дедов.

Спустя несколько лет, когда я уже начал понимать слово «пьяный» слишком даже хорошо и распознавать пьяность в голосе, движениях, лице, случай был, и мрачный. Дед с ба-

бушкой хотели ехать на дачу, но бабушка выпила много с утра, опять превратилась в злую, нехорошую, которая всех ругает и всем говорит сдохнуть. Спускаясь по лестнице после ругани, долгой и страшной, бабушка вышла из квартиры, споткнулась о ступеньку и полетела вниз. Она разбила голову, по кафелю разлилась бурая лужа крови. Я в тот день шёл в школу и думал, как там бабушка, потому что никто ей не помог встать: ни дед, ни мать, ни дядя. Она просто лежала в крови, рядом валялась сумка с её вещами, косметика по лестничной клетке рассыпалась. А вдруг она умерла? Почему они ничего не сделали с ней? Может, всё-таки ей потом кто-то помог? Наверное, помог. Напротив нас живёт Слава, про него говорят, что он сумасшедший, но добрый и «к богу близок». Он ей помог: поднял её, довёл до квартиры, положил на кровать, поставил рядом с кроватью иконку, а потом на следующий день повёл гулять около монастыря. «Там такой воздух – сразу любой дурман исходит».

Я вцепился в приставку, сделал погромче звук на телевизоре и играл, чтобы не думать о том, что творится на кухне. Жаль, ещё громче не сделать телевизор, уж больно за дверью там громко.

– Дим, привет, – в мою комнату зашёл дед. – Ты чего так громко телевизор сделал?

– Привет, дед! Так шумно было, дед. Сейчас сделаю потише.

– А ты завтракал хоть, обедал что?

– Нет, бабушка делала еду, а потом упала.

– Ладно, я понял. Пойдём на кухню.

– Но, дед, там же бабушка.

– Нет её там уже.

Комната бабушки с дедушкой рядом с кухней, дверью, когда сильно выпьет, бабушка всегда хлопает. Хлопнет и заведёт своё: «Чтоб ты сдох!» А что такое «сдох»? Собаки слышат. Сын её, Митя, всё время дурной, но бесстрашный, говорил: «Я знаю, что подохну под забором». Потом я слушал песню группы «Гражданская оборона», там Летов рычал: «Кто сдохнет первым?» Первым убили Митю: его зарезали у метро или в квартире. Меня поставили перед фактом: дядя умер, его больше нет. Вот так просто: «Доброе утро, Дима, просыпайся, Митю убили». Это было в начале января, почти после самого Нового года. Мы с мамой снимали игрушки с ёлки, и мама плакала. Никогда потом больше не видел, чтобы она так сильно плакала. «Сдох»? Наверное, это и есть «сдох» – когда внезапно наутро все узнают – нет человека, где-то на полпути неизвестно откуда и неизвестно куда взял он – и кончился.

В комнате рядом с кухней собрались крёстный мой, Митя и дед. Они укрывали бабушку одеялом, а она вместо дежурного «чтоб ты сдох!» сказала вдруг «спасибо». И было почему-то радостно от того, что пришёл крёстный, что сегодня так рано вернулся домой дед с Митей, значит, скоро и мама придёт. Все живые и здоровые пока, все в доме. И не надо

ничего бояться, не надо делать громче телевизор, чтобы не слышать страшных звуков. Всё так ясно и спокойно...

Уходя, крёстный подошёл к своему рюкзаку, вытащил алюминиевую банку вишнёвой колы и протянул её мне.

– Спасибо, дядь.

– Не грусти и не сердись на бабушку.

Вечером по музыкальному каналу показывали клип группы Gorillaz. Я записал его на видеомэгнитофон, переписал поверх кассеты с мультфильмом про кота Леопольда. На нужном кадре нажал на кнопку стоп. Шуршащая блеклая картинка остановилась, иногда слегка подёргиваясь. Я открыл альбом и стал перерисовывать «крутых» человечков. В это время бабушка, похоже, уже проснулась, но ещё не протрезвела, так что я слышал, как из-за стены она что-то нехорошее кричит деду.

Велосипед

Если мама дежурила в ночь, меня отводили в соседний дом, к прадеду и прабабушке. Я забирал с собой туда самое дорогое – приставку – и играл целый день, чтобы этот день дурацкий поскорее закончился, потому что было ужасно одиноко: без мамы, без друга Ромы, к которому часто ходил вечером.

Рядом с домом ветвился сад: с вишнями, сливами и высоченной берёзой. В саду у прадеда стояла беседка, заваленная хламьём, из которого дед мастерил что-то нужное. Например, из тяжёлых дубовых досок он сколотил лавку, обил

её линолеумом – до сих пор стоит. А мне, чтобы нескучно в саду возиться, поставил качели и баскетбольную корзину на столб повесил.

Дед говорил мало, да и не мог говорить, он после инсульта так и не восстановился. Работал человек сторожем, никого не трогал, а тут взяли бандиты, залезли ночью, голову ему проломили и украли-то мелочь. Но прадед, как и дед мой, был сильный, выжил и даже прабабку пережил – а она тоже ух была.

Я любил помогать прадеду: вбить гвозди, что-то покрасить, приклеить, припаять. Но однажды я на него очень обиделся. Он взял мой велосипед, ржавый весь, с облупившейся краской, который хранился у него в беседке и перекрасил его. В розовый. В какой было, в такой и перекрасил. Я с ним очень ругался тогда. На следующий день дед перекрасил велосипед в голубой. Я опять: «Дед, ну меня же засмеют, за что ты раскрасил его так, а!» Дед не понимал. Я и плюнул, сел на велик, поехал по району кататься, и тут мне в спину прилетел камень. Я обернулся и услышал, как какой-то рыжий пацан с оскаленными редкими зубами бежит за мной и орёт: «Голубой!» Я остановился, бросил в сторону велосипед и пошёл на пацана, а пацан забоялся, похоже, и дёру дал, гад такой.

Я приехал к деду, кинул ему под ноги велосипед и потом долго не говорил ни слова. Только прабабушке удалось меня примирить.

Прабабушка Люда (только перед смертью мы узнали, что

её настоящее имя на самом деле Агафья – переехав в Москву, она хотела, чтобы не думали люди, что она деревенская) умела успокаивать. Вот и меня, чтобы я не злился, посадила на качели, села рядом на линолеумную скамейку и начала петь матерные частушки, я очень смелся. Под вечер бабушка сделала блинов и гречку с сахаром. Мы сели за стол, поели, бабушка осталась в кухне мыть посуду, дед отправился в свою комнату, а я к приставке – в другую. Ко мне заглянула бабушка: «Будь добр с дедом». И, шаркая, удалилась. Я продолжил играть, но что-то всё не шло, не то и не так, в итоге бросил приставку и пошёл к старикам в комнату. Сел рядом с дедом, обнял его, извинился, он в ответ ничего не сказал, только расплакался.

На следующий день мы, как ни в чём не бывало, вышли в сад, а дед взял велосипед и стал его красить в чёрный.

Вход

Если на подоконник поставить бутылку воды, она нагревается – это весна уже. Нам учительница сказала: «Принесите стаканчики с землёй. Будем выращивать цветы для клумбы».

Пришёл домой, рассказал маме о задании. На следующее утро мама вручила мне целлофановый пакет с заготовкой. Вместо стаканчика у меня оказался обрезанный пакет из-под молока и в нём земля, как и положено, чернозёмистая.

Перед первым уроком мы все поставили на парты, чуть-чуть попачкав их землёй, свои заготовки. Я смотрю по сто-

ронам и вижу – у всех стаканчики: из-под йогурта или шоколадного масла – маленькие и аккуратные. Учительница остановилась около моей парты, увидела обрезанный пакет молока и, недовольная, выдала:

– Дима, ну чем ты слушал! Я же просила – стаканчик...

Девочки засмеялись. И мне стало стыдно: «Да, зачем я вообще приволок такую здоровенную штуку?»

Каждому выдали по три семечка. Пальцами аккуратно мы разрыли землю и положили семена. Учительница передала двухлитровую бутылку воды и скомандовала:

– Полейте семена так, чтобы земля попила, не заливайте водой стаканчики, а то ничего не вырастет.

До меня дошла уже полупустая бутылка, я её наклонил, она булькнула и полила землю. Только почему-то вода не уходила, она осталась над землёй.

– Ну вот, – сказала стоявшая за спиной учительница, – ты залил её. Теперь уж не знаю, вырастет ли что-то.

На следующий день я пришёл в класс и сразу – к подоконнику, где стоял мой резанный пакет из-под молока. Вода впиталась, от неё только на земле бело-жёлтые разводы остались, пальцем я пытался эти разводы убрать. «Наверно, действительно залил, и земля заболела», – решил я.

Потом понемногу каждый день поливал, но ничего не росло. У всех начали вытягиваться тонкие зелёные ниточки из земли, а у меня – пусто. «Точно, залил ещё тогда, в первый раз», – грустил я. Мы скоро уходили на весенние каникулы:

не учиться неделю, как хорошо, но что же с цветком?

– Так, дети, цветочки ваши будут без вас целую неделю. Но не переживайте, тётя Тоня их будет поливать.

На каникулах уже я всё думал, что придёт уборщица тётя Тоня поливать к нам в класс, а мой пакет с молоком выкинет. Увидит, что там земля одна – и выкинет, а землю высыплет куда-нибудь в клумбу. И тогда я на улицу вышел, подошёл к дереву, здоровенному клёну, стоявшему рядом с домом, и стал этот клён просить, чтобы он как-нибудь договорился с другими деревьями, а те как-нибудь передали хоть немного своей силы трём зёрнышкам из моего молочного пакета.

«Пожалуйста, дерево, клён ты или не клён, я тебя очень прошу, пусть у меня вырастут цветки, дай семечкам сил, пусть тётя Тоня их не заливает и тем более – не выкинет, пожалуйста, клён».

Когда я пришёл после каникул, то увидел на подоконнике в своём импровизированном горшке один маленький росток, он уже пустил три листочка, потом, через пару дней, проявился второй. Третий так и не вырос, но два других – день ото дня тянулись, росли – и вот их уже нужно было пересаживать – так быстро...

– Дима, какие у тебя хорошие для клумбы получатся цветы! – заметила учительница.

И когда мы вышли на улицу, высадили наши цветы в клумбу у входа в школу, я был рад, потому что мои в клумбе смотрелись могучими, сильными. Клумба расцвела в конце

мая: цветы показали фиолетовые лепестки.

На следующий год в ту же клумбу высаживали свои цветы школьники на класс младше нас.

Сменка

Я забыл дома сменку. Учительница приказала сидеть без обуви – такое наказание. На перемене позвонил домой, бабушка (я уже умел определять, пьяная ли она, по одной фразе) сказала, что принесёт мне сменку. Я волновался, потому что знал: бабушка придёт пьяная.

Второй урок, математика. Неровный стук, приоткрывается дверь и заглядывает моя бабушка: «Здрасьте, извините... Дима – вот». И просовывает в проём мешок со сменкой. Я выбежал за дверь, кажется, за мной побежала и наша учительница. «Ты чего, – говорю бабушке, – не могла трезвая прийти. Все же видят тебя, а потом будут говорить про меня!» Бабушка оскалилась и сказала ненавистно: «Бери сменку, и помалкивай. Не твоё дело».

Вышла из класса и учительница, улыбнулась бабушке:

– Спасибо, что пришли и принесли Диме сменку. А то у нас, знаете, такие порядки в школе. Совершенно нельзя без сменной обуви...

– Иди учи, шалашовка, а не про порядки рассказывай, – сквозь зубы ответила бабушка.

Мы с раскрасневшейся учительницей молча вошли в кабинет.

Чих

Это был первый раз, когда я возвращался домой один из бара. С антигистаминных накрыло ещё больше, и поэтому центр Москвы, богатый на виды и питейные заведения, казался очень радушен, мил и приветлив.

Я шёл по Цветному бульвару, в центре его снимал воображаемую шляпу перед медными скульптурами клоунов. Они как будто куда-то опаздывали, и в этом я чувствовал особое родство их с московским мной, который ещё только чуть ступил во взрослую жизнь – первый раз напился, но уже жил в ритме вечного опоздания на пятнадцать минут.

И вот я кланялся, паясничал перед клоунами, за мной с лавочек наблюдали пьянствующие, хохотали немножко, но мне было всё равно – Москва хоть и маленькая, но это из области фантастики здесь встретить одного и того же человека дважды, так что хоть голый ходи – завтра же забудут.

Я надел наушники и двинулся вниз по бульвару к «Трубной», напевая под нос. Мне навстречу шли две девушки. Одна была такая красивая: на губах чёрная помада, как бы растрёпанные, но на самом деле тщательно уложенные золотистые волосы, глаза как будто безразличные, но внимательные и глубокие, а ноги ...

И вдруг я чихнул. Опять всё из-за пылицы. Чихнул так, что из уха вылетел наушник. Только поправил его и снова посмотрел на девушку. Она что-то мне сказала или показалось? Девушка уже совсем близко. Я вытащил наушники и спросил:

– Извините, вы что-то сказали?

– Вы чихнули, – улыbnулась она. – Будьте здоровы!

– А, спасибо. Спасибо вам большое.

И не останавливаясь, они с подругой прошли мимо. В тот вечер я поблагодарил весну за то, что благодаря ей на меня обратила внимание та девушка. Но вместе с тем корил Москву за то, что хоть она и маленькая, но никогда мне больше не повстречать ту девушку.

Сигареты

У нас кончились сигареты. В подъезде мы докуривали последнюю на троих: я, Алик и Паша.

– Курить хочется опять, – сказал Алик, как только кончилась сигарета.

– Думаю, смогу нарыть, – ответил я на это, – дома есть.

И мы пошли ко мне домой, но я передумал быстро:

– Бабушка дома, наверное, не получится.

– Блин, ну ты чё, – возмущались пацаны.

Паша, который считался другом Алика, разозлился:

– Ты нам должен.

– Ничего я тебе не должен, – я посмотрел на Алика, а тот отвёл глаза, – но курить я тоже хочу.

Стали придумывать, как достать сигарет. Решили написать письмо «от сестры». У Алика хороший почерк, он красивыми буквами выписал: «Пожалуйста, продайте моему брату сигареты «Мальборо» красные. Сама не могу прийти, заболела». И дальше фамилия, имя, число, время написали

и подпись поставили.

– Ну что, кто пойдёт? – спросил Паша. – Давайте тянуть соломинки или типа того.

– Кинем монетку, – предложил я. – У двоих по-любому будет либо орёл, либо решка. Кто в меньшинстве – тот идёт.

Проиграл я, у меня у одного оказался орёл. С этой бумажкой Алик и Паша меня отправили в магазин, а сами остались ждать у входа. Я подошёл к продавщице, она на меня так ненавистно зыркнула, что я вместо того, чтобы протянуть ей письмо, зачем-то вытащил деньги и попросил жвачку.

– На! – единственное, что она сказала мне.

На ладони у меня лежала жвачка и три рубля. Я быстро вышел из магазина.

– Ну чё, прокатило? – нетерпеливо спросил Паша, переминавшийся с ноги на ногу.

– Нет.

– Не поверила?

– Не поверила. Говорит, даже если болеет, то всё равно сама должна прийти.

– Гонишь. Она никому не отказывает. Там Зухра, такая тёмненькая и пухленькая, кольцами золотыми обвешана, она продаёт, да?

– Да, она.

– Ладно, дай мне денег. Я сам к ней пойду, всё разрулю.

– Я, короче, что-то затупил и с перепугу купил жвачку.

– На наши деньги? Ты офигел?

Паша толкнул меня, и я упал. Он бил ногами и не давал встать. Алик стоял рядом, – просто стоял, руки в карманах, и ничего не делал. Я схватил Пашу за ногу и попытался повалить, но тут он заехал мне другой ногой по лицу. Я сжался, в глазах поплыло и только услышал:

– Слышь, Лялик, возьми у этого козла жвачку и деньги.

Алик подошёл ко мне, залез в карман моей куртки. Я попытался ударить его. На прощание Паша снова залепил мне ногой по голове и разбил нос.

Я больше не общался с Аликом, а когда узнал, что он сел в тюрьму за угон, сначала обрадовался, а потом ужаснулся своей радости.

Почтальон

За свою работу мой друг Антон пообещал мне двести рублей. Я согласился.

Мы работали почтальонами. Раз в месяц нужно было обойти микрорайон, закидать в почтовые ящики счета за коммуналку. Начали с самой окраины района. Заходили сначала вместе в один подъезд, поднимались в пролёт между первым и вторым этажами (там обычно стояли ящики): я – слева, друг – справа, и раскидывали. И если вдруг не получалось запихнуть конверт в ящик с нужным номером, то мы запихивали их несколько в один ящик. Конверты рвались, но нам было всё равно – лишь бы быстрее сделать.

На выходе у одного из подъездов на Антона налетел пьяный мужик, целоваться хотел. Друг дал ему в зубы смачно,

и мы убежали. Запыхавшиеся, остановились у дома номер четырнадцать.

– Для этого дома есть счета? – спросил я.

Антон кивнул, и мы зашли в подъезд. На каждом подъезде на входной двери стоял кодовый замок, но подбирать к нему код не приходилось – нужную комбинацию всегда видно: там, где кнопки темнее, туда и надо жать.

Однажды, когда мы раскидывали письма, на лестничную клетку из квартиры выбежала бабка в ночнушке с васильками, тряпкой давай нас колошматить: «Ах вы, наркоманы!» Друг мой всё-таки был нервный, злой мальчуган тогда – он ей тоже в зубы дал, но нежно, скорее просто чуть оттолкнул. Больше мы в тот дом не возвращались.

– Эта дура старая в прошлый раз на меня собаку свою спустила, я со страху вылетел в окно, через козырёк и как втопил, – рассказывал Антон. – Задолбало.

Он об этом говорил слишком часто, что его задолбало, и поэтому я всё надеялся, что он действительно уйдёт, а его место займу я. Какая разница, кем работать, от кого отбиваться: от пьяных мужиков или безумных бабок с собаками – лишь бы деньги получать, так, чтобы на новые диски с играми и музыкой хватало.

Не знаю, когда Антон перестал быть почтальоном, но обещанные двести рублей он мне так и не отдал.

Митя

Я пришёл домой, а рядом с приставкой Dendy – пакет.

В нём куча картриджей. Я обрадовался, подумал на своего дядьку, который с нами вместе жил. «Какой Митя всё-таки молодец!» – хвалил, перебирая картриджи в пакете. А их принёс внезапно объявившийся отец. Но мама об этом не сказала. И так странно смотрел на меня дядька, когда я его благодарил потом три недели, старался всячески его задобрить: подогревал ему обед, освобождал телевизор, когда он приходил домой.

В основном домой Митя приносил краденое или заимствовал насовсем что-то у собутыльников. Так для моего первого компьютера появились колонки, за матерчатými накладками которых я прятал сигареты, зажигалку и – для особого случая – презервативы.

Дядька был опасный всё-таки мужик. Сломал бабке моей по пьяни руку, прятал у себя в диване пистолеты, дрался с дедом, с отцом своим, когда тот пытался сделать потише телевизор, орущий на весь дом в пьяные Митины ночи.

Дядьку пытались устроить на нормальную работу. Пристроили кое-как в автосервис. На второй день Митя отказался вставать с постели и сказал: «Я никуда не пойду». Он не зарабатывал, но у него всегда имелись деньги. «За собачью жизнь – цена, меня забетонируют», – заключил Митя в последний день, когда я видел его живым. Ему не исполнилось и двадцати шести.

Ангелина

В голове ватно и мешанно, над головой – оранжево. Жир-

ные точки фонарей гудят, и вместе с ними гудела моя голова.

– Дим, может, послать его?

От метро я шёл молча, а она работала в режиме радио.

– Может, бросить всё-таки? – повторила Саша.

Я смотрел на неё изредка. Её воспаленные алкоголем глаза, скорее всего, не сомкнутся до самого утра, и всё это время она будет задавать мне, себе, кому бы то ни было вопросы, на которые никто, кроме неё, ответить не может.

– Саш, думаю, тебе хватит на сегодня пива, – я попытался отнять у неё бутылку, но не получилось.

– Мне Костя позвонил. *Позвонил.* Я так боялась этого звонка, сама ему не набирала всю неделю.

– Ты уже говорила это.

Перед отъездом в тур по двадцати городам Костя поссорился с Сашей, она вызвала меня запивать свои боли. И напились.

На улице – ночь. Холодать начало по-осеннему, хотя лето даже на календаре не началось ещё. Оранжевый свет нащёптывал тепло, но обманывал. Холод начал подбираться ко мне, как только почувял, что я трезвею.

– Он сказал, – не унималась Саша, – что его заставила позвонить Нина. Она дала ему свой телефон. Со своего ему звонить не хотелось. Не хотелось. А не денег не было.

– Это ты как поняла?

– Сам сказал. «Вот, у нас тур кончается, скоро увидимся же. Готовишься? Побрила заросли?»

– Он шутит.

– За две минуты успел довести меня. Какой же у него поганый язык! Там люди вокруг, а он... чёрт! Зачем мне нужно говорить, что вчера он спал в одной кровати с ней? «Очень плохо, что между нами постоянно ходил кот, мешал обнимать Нину».

– А вдруг Костя просто хочет, чтобы ты приревновала?

– Сказал, сегодня опять с ней будет спать. Кот не помешает. Квартира другая.

Саша курила. Раньше, когда я сам ещё не бросил, она хваталась, что курит только на концертах.

– Костя просто устал, – успокаивал я Сашу. – Не знаю, может, у него крыша едет. У них же это последний тур. *(После пяти лет безуспешного музыкального рейвования Костя принял решение (читай – перерезать себе горло) группу распустить, и по этому поводу пребывал в чёрной депрессии.)*

Саша не слушала меня. Я замолчал.

Мы двигались вдоль дороги. Мимо нас редко проносились машины. Окраина города спала, и только полязгивали поезда, подходящие к недалеко расположенной железнодорожной станции. Подул ветер. С сухого асфальта поднялась туча пыли и пронеслась сквозь нас.

Хрипло и прерывисто завыл гудок. На середине дороги я увидел девушку в белом пуховике с розоватым оттенком. Она стояла, пошатываясь, перед капотом машины. Водитель сумел вовремя затормозить, но, остановившись, продолжал

сигнальщик. Когда гудок стих, водитель сдал немного назад, объехал девушку и поехал дальше.

– Чуть не сбил, – заметил я. – И куда торопилась?

– На смерть, наверное. Что мне с Костей делать? Вот ты, как мужик, скажи мне.

– Как мужик, я бы вообще не хотел это обсуждать. Ну, обижаешься ты по делу. До сих пор не ушла, значит, не так ужасно вам и живется.

– А недавно он говорит: «Может, я на тебе жениться хочу?».

Мы приблизились к девушке. Она уже стояла недалеко от автобусной остановки на краю бордюра. Её трясло. Она – несуразно пухлая и маленькая. Я оглянулся, когда мы прошли мимо неё, и увидел детские глаза. Она плакала и странно смотрела на проезжающие машины.

Саша бросила пустую бутылку из-под пива в урну.

– На чём ты там остановилась? – спросил я у Саши.

– Недавно он встречался со своей бывшей. Причем сказал мне об этом, когда подвозил меня до работы. «Я, кстати, сейчас к Насте, вещи надо передать. Заодно посидим в кафешке, чай попьём».

– Ладно, Санёк. Ну, ты же не дура.

– Костя просто встретиться ходил. Она же – семь лет его жизни! Семь лет.

– Ну да. Семь лет, а ты – два.

Я снова оглянулся на девушку. В её сторону нёсся черный,

похожий на катафалк, джип. Девушка наклонилась вперед, но тут же дёрнулась назад. Машина пролетела, едва не задев её. Летящий вслед за катафалком ветер распахнул пуховик девушки.

– Видела девку?

– Какую?

– Мы сейчас мимо остановки шли. Кажется, она хочет под машину прыгнуть.

– Да ладно? – Саша обернулась.

Девушка так же стояла, пошатываясь.

– Давай подойдем, – предложила Саша.

– Может, мне показалось. Глупо получится, если мы придем, а она автобус ждёт.

– Идём.

Мы вернулись на остановку и встали за спиной у девушки.

– Подожди, Саш. Автобус едет, вдруг она сядет сейчас.

Может, пьяная, вот её и трясёт. Посмотрим, ладно?

Но в автобус девушка не зашла, и как только двери его закрылись, она повернулась к нам:

– Что, никогда труп не видели? Так будет вам!

Мы подхватили её и посадили на скамейку у остановки.

Девушка перестала вырываться, но мы не отпускали её.

– Всё хорошо, – повторял я, – всё нормально. Всё будет хорошо, чего это вы.

– Нет, не будет, – она прятала лицо в истрёпанном вороте пуховика.

Девушка смотрела как будто через нас. На дорогу. Её светлые волосы с тёмными корнями были мокрыми и слиплись. Девушка едва проглатывала воздух и бормотала:

– Я... я-я-я... я... б-б-бе-бе-б... я.

Мы с Сашей переглянулись. Я перестал держать девушку.

– Как вас зовут?

– А... а-а... я... Ангелина.

– А я – Дима. Это вот Саша. Что же вы, с таким именем и на такое хотите подписаться.

– Оставьте... меня.

– Мы так просто вас не бросим.

– Я никому не нужна совсем!

– Как никому? – вмешалась Саша. – Мы вот, здесь, с вами.

Ангелина рванулась к дороге. С трудом мы усадили её обратно.

– Оставьте меня! Так будет лучше! Я не нужна никому такая!

– Если бы никому не нужны были бы, нас бы рядом не стояло, – говорил я, и теперь Ангелину мы с Сашей держали вдвоем. – Мы точно не отстанем от вас, понимаете. Нужна или не нужна – это как хотите, но мы никуда без вас теперь не пойдём.

Пускай ерунду говорил. Главное – говорить что-то, отвлечь её. Ангелина улыбнулась. Она поправила волосы, прилипшие ко лбу.

– Видите. Всё хорошо.

– Нет, не хорошо! – девушка опять зарыдала. – У меня никогда не будет хорошо. Я беременна!

– А вы говорили своему молодому человеку об этом? – спросила Саша.

– Ты хочешь, чтобы она опять бросилась? – посмотрел я на Сашу.

– Не, ну а что?

– Да! – выдавила Ангелина. – Я сказала ему. Он обозвал меня, сказал, что это не от него и уж лучше б я сдохла. Дайте мне, отпустите! Я хочу сдохнуть!

– Ангелин, у нас у всех случается. Вот у Саши тоже с мужиком фигня, но ничего. Под поезд не собирается.

– Да-а, и не соберусь никогда. Никогда. Надо мне...

– Правильно. Потому что есть выход. Есть люди вокруг. Сегодня ваши люди, Ангелин, это мы. Скажите, вам есть куда пойти? Далеко живете?

– Да, давай мы тебя проводим до дома! – твёрдо произнесла Саша.

– А завтра проснётесь – будет по-другому. Не нужно рубить с плеча.

Ангелинины глаза тяжело посмотрели на меня, на Сашу. Саша обняла Ангелину.

Зазвонил мобильник. Ангелина достала его из кармана. «Намик» – отпечталось на потёртом зелёном экране.

– Это друг! Самый хороший на свете друг, честно! – улыбалась Ангелина. – В обиду меня не даст! Алё!

Я слышал, как за спиной моей посапывал асфальт, по нему шуршали колеса. Когда проезжающие машины были совсем близко, мне казалось, будто они притормаживают около нас. Послышалось, как у железнодорожной платформы негромко, боязливо загудел поезд.

Я отпустил руку от Ангелины.

– Нет, Намик! – улыбка Ангелины сузилась. – А что, ну да, около железки. Они меня спасти хотят! Я не пьяная. Ты не понимаешь. погоди, я тут решила, а они меня... хорошие люди. Да что ты орёшь-то? Нет, подожди, нет, не бросай трубку!

Над нами светили безразличные фонари. Ангелина выронила телефон и заплакала. Напротив неё встала Саша, а я нагнулся поднять мобильник. На экране опять – «Намик».

– Дайте! – всхлипнула Ангелина, вырвав у меня мобильник. – Намик, ну чего тебе ещё? У меня хорошо. Не нужно ничего! Нет!

Я оглянулся. На другой стороне дороги теперь стояла побитая красная шестёрка. В салоне двое. Сидевший за рулем человек змеино прохаживался по мне взглядом. Он держал трубку у уха. Я оглянулся на Ангелину, потом опять на него. По-хозяйски величаво-лениво он приподнял толстую руку от руля и властно, вопросительно взмахнул ею.

– Ну и что за дела? – я показал на Ангелину, потом поднял ладони и громко сказал. – Как будто я её держу!

– Пошли они, мы доведем её до дома, – отрезала Саша,

потом она обратилась к Ангелине. – Хорош болтать. Хватит.

Сердце стучит. Ни одной машины, ни поездов, ни ветра. Только фонари светят. И красная шестёрка эта.

– Что делать будем, Дим?

Ангелина опять плакала, а Саша смотрела на меня выжидающе. Я глядел на другую сторону дороги. Ко мне бежал человек, сидевший до этого на пассажирском сиденье в шестёрке. Он приблизился вплотную и пошёл на меня:

– Тебе что? Чего надо?

Женский голос. Фонари – гудящие точки.

– Мне – ничего. Твоя подруга только что чуть под машину не сиганула, – ответил я.

– Что?

– Я её, по-твоему, обувать, что ли, собрался?

«Тук, тук», – дважды стукнул канализационный люк на дороге. Ангелина вскочила. Пуховик распахнулся вновь, стал виден выступающий живот.

Всё произошло слишком быстро. Я сказал Саше, что нам нужно уходить. Взял её под руку и потянул за собой.

– Э! – кричал парень вдогонку.

– Идём, идём, не оборачивайся, – говорил я Саше и силой тащил её за собой.

За спиной визжали колеса. Дважды хлопнула дверь. И снова визг. Мы почти бежали оттуда. Когда мы добрались до дома Саши, у неё зазвонил телефон, и она сбросила.

Я спросил её:

– Что ты думаешь?

– Не знаю.

У Саши опять зазвонил телефон.

– Кто это?

– Отец.

– Ты тогда иди, и я пойду?

Настойчиво звонил Сашин мобильник. Она ответила скороговоркой: «Сейчас иду, папуль», а потом обратилась ко мне:

– Мне пора.

Я пожал её холодную руку:

– Давай.

Я пошёл домой.

Мы никогда больше не говорили об Ангелине. Её как бы и не было. Мы её вытеснили. Ведь у нас другая жизнь. Своих забот много. Всегда что-то случается, хорошее, плохое – а мы-то тут при чём?..

Следующим вечером Костя вернулся домой. От Саши у Кости остался подарок, сделанный им же, на её день рождения – шахматы: она соглашалась играть с ним только ради того, чтобы он выигрывал. Все остальные Сашины вещи Костя вывез две недели спустя и молча отдал их в руки её отцу.

Память

– Почему ты ни разу не поцеловал меня? – донеслось из трубки.

И я понял, что наконец-то свободен, что наконец-то не

люблю эту девочку, её пергаментную руку я больше не хочу держать в своей.

Превозносил её. Я здесь, на земле, а она – солнце, или ночная звезда, которая помигивает всегда, когда тоскую по ночам или бреду домой чёрт-те откуда.

Ходил на английский в школу рядом с её домом. Мечтал, что однажды выучу аккорды на гитаре и, как в банальных фильмах о любви, спою про любовь на пятом этаже.

Любил, а она позволяла. И у неё тоже была любовь, но не со мной. Долго я пытался уговорить: «Если тебе нужен точный, серьёзный, деятельный человек, я ради тебя могу научиться, могу стать таким: надёжным, как швейцарские часы».

И вот последняя наша весенняя ночь. Мы всё вздыхали в трубки, говорили часов до пяти. У меня горело ухо, отяжелела рука держать телефон, но всё было не важно, важно было только, что она рядом, пусть и только голосом, но рядом, я слышал, как она дышит, и представлял себе, как она лежит у меня на плече. И тут после молчания, романтического и многозначительного. «Почему ты меня не поцеловал?» Она забыла. Она *забыла*. Я пытался её поцеловать в тот, первый раз, но она сказала, что не надо.

Вешая трубку, я сказал:

- Надеюсь, у тебя в жизни всё сложится очень хорошо.
- Такое ощущение, что ты со мной прощаешься навсегда.
- А кто его знает, как там в жизни получится.

С тех пор мы и не говорили. Она стала важной, нужной, вышла замуж. Моя одноклассница, с которой мы случайно встретились на улице, рассказала мне об этом и добавила: «Когда я её мужа увидела, подумала, что это ты, только похудел чутка». Я пришёл домой, заглянул на её страницу в социальной сети, увидел счастливое фото – действительно, похож, но это не я. Совсем не я.

Весна – самое неудачное время для меня, в который раз в этом убеждаюсь. Закончил институт, параллельно работал, и тут на тебе – сократили. У меня появилось много свободного времени, я много гуляю. Недавно прошёл мимо её дома. Я смотрел на тот пятый этаж. В этом доме давно она не живёт, переехала к мужу, конечно. Я вспомнил её тогда и улыбнулся.

Опять распускаются почки на деревьях, а у меня глаза чешутся и слезятся.

Автор обложки сборника – Данила Трофимов